

РОЛЬ ПЛАТОНИЗМА И АРИСТОТЕЛИЗМА
В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ
НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Данная конференция ставит своей задачей исследование метатеоретической и исторической баз европейских научных программ, а также методической базы научных программ, сформировавшихся в истории Европы. В связи с этим предполагается рассмотреть методические выводы, которые были сделаны из платоновской и аристотелевской философских парадигм начиная с эпохи античности и до наших дней. Будут изучены научные программы Платона и Аристотеля, включая их проекты систематизации знания и оснований аподиктического вывода, экспликации этих проектов в эпохи поздней античности и раннего средневековья, особенно по трем группам авторов: комментаторов Аристотеля, неоплатоников и ранних христианских богословов. Это необходимо сделать для того, чтобы обозначить место методологии Платона и Аристотеля в эпоху высокого средневековья, особенно в плане противостояния номиналистического и реалистического проектов. Благодаря этому можно прояснить роль аристотелевской и платоновской методологии при формировании новоевропейской науки. Наконец, предполагается рассмотреть характерный феномен возвращения к платоновской и аристотелевской парадигмам в науке XX в. С позиций сравнительно-

---

* *Светлов Роман Викторович* — докт. филос. наук, проф. кафедры истории философии СПбГУ, spatha@mail.ru; *Цыб Алексей Васильевич* — канд. филос. наук, зав. отделом НИР молодых ученых и специалистов СПбГУ, alex@AC9195.spb.edu

исторического подхода будет проведена реконструкция платоновской и аристотелевской методологии в их оригинальном историческом варианте, а также прослежены проявления этой методологии в дальнейшей истории античной и европейской науки. Существенным элементом подхода намечено постоянное сравнение полученных результатов с конкретно-историческими восприятиями платоновской и аристотелевской версий методологии науки.

Современная научная парадигма дает картину востребованности фундаментальных положений античной мысли. Критицизм «наивной» античной научной культуры замещается некоей «аристотелевской» парадигмой (в случае рассмотрения так называемого антропного принципа в космологии) или же платоновской онтологией (в случае проблемы метатеории в современной физике или проблем вселенных иного уровня — вселенных «умственного горизонта» и т. д.). Прежде всего, это касается вопроса о том, что в современной науке понимается под аристотелизмом и платонизмом. Для ответа на него предполагается провести анализ данных понятий в воззрениях космологов, изучающих антропный принцип, а также в трудах классиков физики XX в. (Гейзенберг, Бор) и у современных ученых. Такого рода анализ позволит уточнить научный и методический горизонты, в которых развивается дискурс современных конкретных дисциплин. Однако он невозможен без обращения к реальной истории платоновского и аристотелевского «проектов» — от их основания и до наших дней. Осуществив реконструкцию, можно будет сделать вывод, действительно ли вся европейская наука формировалась под влиянием этих имен, развивая и обновляя высказанные философами-мыслителями, идеи или же мы ви-

дим в ее истории утверждения, существенно отличные от платоно-аристотелевской методологии.

Следует отметить, что привычное разведение платонизма и аристотелизма как двух принципиально разных типов методологического дискурса начинается только в позднем средневековье. Античность воспринимает этих философов как представителей одной парадигмы мысли. Неоплатоники, например, довольно свободно комбинировали платоновские идеи с аристотелевскими; в частности, их физика может быть названа аристотелевской в той же мере, как и платоновской. Тем не менее обращение к родоначальникам этих традиций существенно важно не только по историческим причинам, но и с точки зрения выяснения самого происхождения феномена науки. Известно, что для ранней греческой мысли все научные дисциплины являлись моментами философского знания. Выделение различных ареалов начинается, видимо, у Демокрита, но впервые ясно об этом пишут Платон, разбирая в «Государстве» тему познавательных способностей, и Аристотель, классифицируя науки в «Никомаховой этике». Отметим также, что неоплатоники считали традиционное эллинистическое разделение философии на этику, физику и логику чисто платоновским и добавляли к перечисленным дисциплинам теологию.

Разделение дисциплин ставило вопрос о достоверном и соответствующем предмету данной науки методе исследования и языке описания. Известно, что Платон в «Федре» однозначно требовал соответствия языка предмету. Не менее жестко требование Аристотеля, содержащееся, в частности, в трактате «О софистических опровержениях». Эти требования являются исходными пунктами для формирования научного языка и научных

программ. Важно отметить, что даже стремление Пиррона из Элиды дискредитировать любую теоретическую доктрину («догматическую философию», если говорить языком скептиков) также базируется на определенной методологии — так называемых тропах.

Одной из первейших тем при реализации проекта исследования является выяснение того, насколько учения Платона и Аристотеля соответствовали заявленным ими же требованиям. В качестве примера того, что и основатель Академии, и основатель Ликей стремились к этому, можно привести разбор Платоном проблемы идеального бытия.

Тексты Платона (по крайней мере зрелого) ориентированы на ту предметную сферу, которой они посвящены. Обычно они достаточно точно маркируются во вводных частях. Так, в «Тимее» пифагореец Тимей заявляет, что рассказ о воспринимаемом Космосе слишком трудное занятие, поэтому «он ограничится правдоподобным мифом». Точно также в «Федре», переходя к изложению своей концепции души, Сократ отказывается рассказывать о ее идее, полагая это дело божественным, но соглашается поведать о том, чему она подобна («окрыленная упряжка»). Вместе с тем в «Софисте» или «Пармениде» с самого начала указывается, что методом изложения будут аподиктические рассуждения.

Предмет связан со способом изложения. Именно поэтому, говоря о бытии как становящемся, воспринимаемом (а здесь у Платона переплетены по сути две предметные сферы — душа и физическая реальность; недаром позже Аристотель будет считать психологию частью физики), Платон выбирает язык метафоры и даже мифа — пусть этот миф имеет внешние наукообразные рамки, как в «Тимее». Но миф и есть в каком-то

смысле развернутая метафора. Он «оплотняет» смысл, внося в него телесную, а значит, пространственную, размерность. Именно поэтому в данных текстах Платон не ограничивается указаниями на чистое бытие или на «самое само», но и показывает, где оно расположено: там, в небесной сфере, за пределами области вещей, рожденного. В аподиктических же сочинениях данное удвоение подвергается критике («Софист», «Парменид») и выясняется, что нельзя говорить об идеях как о том, что существует отдельно от вещей. К данному предмету невозможно подходить топологически. Мнение (миф) и знание (диалектика, аподиктика) оказываются двумя способами сказывания самого бытия и, вместе с тем, двумя взаимосвязанными формами его восприятия.

Аристотель в XIII и XIV книгах «Метафизики» критикует Платона за то, что его учитель, рассуждая об идеальном бытии неправомерно вводил в эту сферу числа и математические объекты, которые обладают особым статусом существования. Научный язык в данном случае, по мнению Стагирита, не соответствует предметной сфере его приложения. Одной из задач и станет рассмотрение того, как данный принцип продолжал свое существование в последующие исторические периоды и какое выражение получал в научных программах.

Другой важнейшей темой, которую планируется рассмотреть при реализации настоящего проекта, составляют проблемы происхождения и расстановки основных вех в истории математического естествознания. Традиционно полагается, что фундаментом его служит идея математики как универсального метода в ренессансной парадигме (от Николая Кузанского к Бруно и Галилею). Но мы видим очевидный пример математизации физики, т. е. рассмотрения качественных характеристик че-

рез количественные, уже у Платона в «Тимее». Аристотель, напротив, развивает качественную концепцию естествознания. В итоге, античная и средневековая «физика» стоит перед альтернативами «качественной» и «количественной» методологий. Особенно это заметно, когда мы рассматриваем споры между номиналистами и реалистами в XII–XIV вв.

В эпоху Возрождения на первое место выходит именно математическая модель, ведущая свое происхождение от идей Пифагора и Платона. Важнейшей особенностью перестройки науки XVI–XVII вв. стала замена античной и средневековой идеи о происхождении и структуре мира как конечном и иерархически упорядоченном космосе, центр которого составляет Земля — обитель человека, картиной бесконечной (а следовательно, лишенной единого центра) однородной Вселенной. С этой заменой были связаны важные изменения в прежних понятиях пространства и движения и введение математической методологии как инвариантной для любого из разделов естествознания. При этом ученые «на щит» поднимали главным образом Аристотеля с его научностью подхода, эмпиризмом и логикой. Однако «качественная» методология в естествознании не играла большой роли, если не считать концепций, подобных той, которую развивал Гете (натурфилософия).

Итак, мы видим, насколько сложны были взаимодействия между программами Платона и Аристотеля в эпохи Возрождения и Нового времени. В наше время ситуация еще более запутана: так, в литературе, посвященной философии науки, квантовая механика или варианты единой теории поля могут атрибутироваться то как базирующиеся на платоновской философии, то как аристотелистские.